

Василюк Ф.Е.

**Консультация третья:
психология и педагогика переживания**

Библиографическая ссылка:

Василюк, Ф.Е. Консультация третья: психология и педагогика переживания [Текст] / Ф.Е. Василюк // Популярная психология для родителей / под ред. А.А. Бодалева, А.С. Спиваковской, Н.Л. Карповой. – М.: Флинта; Московский психолого-социальный институт, 1998. – С. 248-252.

**Консультация третья:
психология и педагогика переживания.**

О своем отношении к значению переживания в воспитательной работе рассказывает психотерапевт Ф.Е. Василюк

Слово «деятельность» наверняка известно каждому, кто получил педагогическое образование в нашей стране. Деятельность бывает трудовая, игровая, учебная. Это нам знакомо. А вот то, что наши ПЕРЕЖИВАНИЯ по поводу конфликтов на работе, из-за болезни близкого человека, в результате достигнутого успеха тоже оказываются ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ, может показаться странным. Между тем, переживание — это серьезная внутренняя работа, в результате которой человеку открываются новые жизненные возможности, он начинает по-новому думать о себе самом и о смысле окружающей его действительности. В 1984 году в издательстве Московского университета вышла книга, посвященная этим проблемам, — «Психология переживания». Ее автора, декана факультета психологического консультирования и психотерапии Московского городского психолого-педагогического института Федора Ефимовича Василюка, мы попросили высказать свое мнение о «ПЕДАГОГИКЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ».

— Федор Ефимович, давайте попробуем представить себе некий рекламный диспут, «ток-шоу» между воображаемым сторонником «педагогике переживания» и его типичным оппонентом. А в роли зрителя — Родитель будущего первоклассника.

— Что ж, перед зрителями молоденькая, ясноокая, в вольной белой блузе учительница словесности, а напротив лысеющий кандидат пед.наук с пудовым портфелем, лежащим, как псина, у ног.

Она говорит: «Вдохновение!». А он ей: «Научный подход!». Она: «Увлекательность! Радость ...». А он: «Рефлексия. Системность ...». Она: «Личность и еще раз личность. Общение. Диалог!». Против «диалога» приходится применять тяжелую артиллерию: «Восхождение от абстрактного к конкретному». Она удрученно молчит. Он закрепляет победу, забивая по шляпку три гвоздя: «Знание. Умение. Навыки». Портфель преданно прижимается к ноге хозяина — знай наших. Но вдруг три белых голубя взмывают ввысь: «Переживание! Игра! Творчество!».

У родителя — голова кругом. Ему хочется, чтобы и научно, и интересно; и знания, и опыт; и навыки, и творчество... Но вспомнив десять лет, отбытых на «школьных галерах», он решается: педагогика переживания! Выбор сделан.

— А что в вашей истории дальше, в школе?

— А дальше из жизни. Первое сентября, второе, третье, десятое... Новоиспеченная школьница Настя, гордо несущая «настоящий» ранец, спрашивает по пути домой: «Мам! Чего с нами все играют да играют? А когда мы учиться будем? А то мне скучнеть начинает».

Нет, я вовсе не против «педагогика переживания». Я мечтаю, чтобы учитель химии, который учит моих и ваших детей, был влюблен в «свою» химию. Чтобы учитель истории устроил костюмированную игру, и ученик не только узнал бы о политических причинах войны 1812 года, но и изнутри почувствовал бы себя мудрым Кутузовым или смелым гусаром. Если при этом можно научиться еще верховой езде или мазурке (ведь по случаю освобождения города сегодня в доме губернатора бал), я сам готов пойти на эту войну даже в роли пленного продрогшего французского солдатика, которого за жалобное попрошайничество «*cher ami, cher ami*» крестьяне прозовут шаромыжником.

Немецкий философ Георг Зиммель заметил, что в переживании есть нечто от приключения. «Приключенческая» педагогика хороша тем, что всецело захватывает ученика, вдохновляет его на открытия и поиск, развивает сообразительность и формирует любознательность. Но венец приключения — возвращение домой, обогащение опытом, знанием, зрелостью, мужеством. И некоторые сомнения, которые вызывает у меня «педагогика переживания, связаны с опасностью заиграться, не вернуться из приключения. «Мам! Когда мы учиться будем?» — свидетельство того, что душа семилетнего человека ждет не только игры и развлечения, но и серьезного, таинственно-взрослого — учиться.

Еще одно сомнение. Неписанный закон педагогического романизма гласит: «Ребенку всегда должно быть интересно. Ответственность за это лежит на учителе». Обе части этой формулы не кажутся мне абсолютными. Интерес — как рыбка, и важно не толь-

ко накормить ею ребенка, но и научить его самого ее ловить. Да и скука — состояние отнюдь не бесплодное. Я лично обязан скуке многими полезными приобретениями. В детском саду, во время мучительных «мертвых часов», я выучился под одеялом свистеть — умение, без которого считать себя полноценным мальчишкой, конечно, нельзя.

Наконец, последнее, что меня смущает в «педагогике переживания», — это опасность субъективизма, переоценка роли эмоций в жизни и познании. Есть своя поэзия в объективном и абстрактном знании. Ей-Богу, чудесно, что $2 \times 2 = 4$ независимо от настроения ученика, учителя и даже директора.

Впрочем, все эти опасности «педагогике переживания» делают ее еще интереснее для творческого учителя, ибо что за приключения без опасностей!

— Федор Ефимович, вы — декан факультета психологического консультирования и психотерапии Московского городского психолого-педагогического института. В своей собственной педагогической деятельности вы придерживаетесь каких-то принципов «педагогике переживания»?

— Психотерапия — такое ремесло, которое без переживания и сопереживания просто невысказано. И обучение психотерапии тоже. Наши занятия часто напоминают мастерскую театрального вуза. Настоящий психотерапевт должен все применяемые им методы вначале многократно опробовать, прочувствовать их изнутри, причем не только в позиции консультанта, но и в позиции клиента. Мы стремимся научить наших студентов после погружения в воды психотерапевтических приключений возвращаться на рациональную сушу, трезво осмысливать происходящее.

На лекциях я иногда записываю полушуточную формулу профессионального опыта: $E = kN$, где E — опыт, N — количество проб и k — коэффициент осмысления.

Если я ни разу не пробовал сам вести психотерапевтический сеанс ($N = 0$), мой опыт равен нулю, пусть я даже выучил наизусть десяток специальных руководств. Если я провел тысячу сеансов, но совершенно не осмыслил их ($k = 0$), мой опыт ничего не стоит. Задача нашего обучения двойная — сначала создать полноценное погружение, а потом дать интеллектуальные средства для осмысления пережитого.

Впрочем, тут начинается слишком специальная область. А вы лучше спросите у меня о педагогике переживания в моей психотерапевтической работе.

— Спрашиваю.

— Отвечаю: я занимаюсь ПЕДАГОГИКОЙ НАОБОРОТ. Чтобы помочь моим пациентам справиться с их невзгодами и проблемами, я иногда превращаю психотерапевтический кабинет в учебный

класс, но в этом классе не я их учу уму-разуму, а, наоборот, пациенты учат меня своим симптомам и переживаниям. При этом они обнаруживают недюжинные педагогические дарования. Обучая меня страху высоты, комплексу неполноценности, заиканию или патологической ревности, они начинают лучше осознавать механизмы своих собственных болезненных состояний и постепенно овладевают ими. Я же горжусь тем, что прилично освоил целый ряд курсов.

Например, теорию и практику тревоги за близких. Это довольно просто. Сначала надо выбрать объект тревоги. Для мам и бабушек особенно подходят дети и внуки школьного возраста. Потом нужно как можно более живо вообразить любимое дитя. Вот оно устало плетется из школы, пуговица оторвана, шарф потерян, взгляд рассеян. Перекресток. Подземный переход закрыли на ремонт. Машина! В этот момент нужно попытаться крикнуть «Осторожно!» и рвануться наперерез автомобилю. Но тут-то и обнаружится, что дитя в опасности — там, а вы в бессилии — здесь. Для людей с хорошим воображением это надежный способ вызвать в себе сильное переживание тревоги.

Одна почтенная дама преподавала мне искусство депрессии. Очень простая и изящная техника. Хотите научу?

— Нет, нет, спасибо, не нужно.

— А зря. Знаете ли, в ноябре, когда все кругом подавлены, быть в бодром и веселом расположении духа как-то неуместно. Пока не ляжет ослепительный снег — в моде депрессия.

А еще «педагогикой наоборот» я пользуюсь, чтобы помочь школьникам и их родителям развязать узлы дидактогенных неврозов. Вот один давнишний случай.

Мама ввела в мой кабинет шаркающего понурого Васю. Через десять дней была назначена медико-педагогическая комиссия, которая должна была решать вопрос о переводе пятиклассника во вспомогательную школу. Вася учился неважно почти по всем предметам, но главным, что переполнило чашу педагогического терпения, была его патологическая неспособность выучить русское правописание хотя бы на двойку. Мне показали тетрадь Васи с диктантами — кровавое месиво исправлений разъяренным учительским пером. «А начинал он учиться неплохо, — вспоминает мама. — Английский у них со второго класса, так он вообще чуть ли не лучше всех был. По арифметике — четверки. Вот только по русскому пошли тройки из-за невнимательности. В прошлом году учительница попросила нас с мужем обратить внимание, позаниматься. Отец сидел часами. Чего греха таить, иной раз не выдерживал, давал подзатыльник, но не бросал, втолковывал. И все как об стенку горох. У него на уме только велосипед и разное зверье — то собаку больную в дом привел, то грача с подбитым крылом притащил. Может, он и вправду у нас умственно отсталый?»

Рассматриваю тетрадь вместе в Васей. Я в восхищении:

— Слушай, брат, да ты чемпион мира по ошибкам. Я знал одного человека — он сейчас стал ветеринарным врачом, работает в Московском зоопарке, тигров лечит, представляешь! Так вот, он мог сделать 30 ошибок на одной странице. Я думал — это рекорд. А у тебя, может, даже больше. Ну-ка, давай посчитаем.

Вася под мои восхищенные междометия досчитал до 57.

— Ты же можешь попасть в книгу рекордов Гиннеса! А кого записывают в эту книгу, тому дарят новый велосипед. Гоночный. Знаешь, с кривым рулем, двадцать пять передач?

— Знаю, — мечтательно вздыхает отрок.

— А можешь ты не 57, а целых 60 ошибок сделать?

— Да я могу и сто.

— Ну-ну-ну, врешь, врешь, врешь, ну уж сиксти, ну уж эйти, ну еще туда-сюда, а уж хандред, целый хандред — это просто ерунда.

— На спор?

— На три шелобана. С перебивщика не брать, — разбиваю я наше рукопожатие. — Значит, так, Екатерина Петровна. Вы сегодня, пожалуйста, продиктуйте Васе диктант на одну страницу. Посмотрим, сколько ты сможешь сделать ошибок. Только не подсказывать, Екатерина Петровна! Договорились? Завтра посчитаем.

Вася, разумеется, план перевыполнил. На следующий день он получил задание делать ошибки только на пропуск букв, потом — на правописание гласных. Теперь он входил в кабинет впереди мамы ловкой, чуть подпрыгивающей походкой. Через неделю учительница, не веря себе, собственноручно поставила Васе четверку за диктант. Позже я узнал, что на день рождения он получил в подарок новенький велосипед. От Гиннеса, что ли?

Может быть, «педагогика переживания» в том и состоит, чтобы каждому ученику, учителю и родителю подарить по велосипеду? Тогда они все постепенно добреть и умнеть начнут.